

Хотя король оставил Гаэль явно расстроенной, она довольно быстро пришла в себя после ванны, и ее настроение значительно улучшилось к тому времени, когда они закончили составлять план, как заманить Серого Призрака. Было забавно видеть ее энтузиазм по поводу как дракона, так и него самого. Это, безусловно, необычное отношение для члена его семьи.

Он отругал себя почти сразу, как только мысль сформировалась. Деймон забыл о Гаэль после ее смерти. Если раньше в этом члене его семьи было мало энтузиазма по отношению к нему, он, безусловно, нес хотя бы часть вины. Он заботился о ней, как члена его семьи, правда. Но демон был строгий порядок, в котором он заботился о членах своей семьи и Гаэль была довольно... минимум на это. Сначала была его мать, затем его отец, затем его брат, затем жена его брата.

Другие были далеко позади, а после его женитьбы на Рее Ройс они пали еще ниже. Дедушкой Деймона он очень восхищался, даже любил за то, что подарил ему Темную Сестру, за признание ценности Деймона, как он считал. Многие из этого поблекло с годами, по мере того как росло недовольство Деймона своим браком.

Добрая королева мало заботилась о своем непокорном внуке-бунтаре, и он искренне отвечал ей взаимностью еще до катастрофического брака. То небольшое количество привязанности, которое там было, превратилось в презрение. Оглядываясь назад, возможно, отсутствие у него большего уважения к Гаэль было вызвано ее близостью к матери.

Он предположил, что было несколько забавно, что теперь он оказался женатым на Гаэль и, следовательно, несомненно, заслужил вечное презрение Добрай Королевы за то, что украл ее, за то, что развратил ее. Он наблюдал за ней, когда она говорила о том, чтобы купить себе больше платьев в их домашних цветах, и его улыбка стала шире. Его бабушка понятия не имела, насколько сильно он мог развратить ее драгоценную маленькую девочку. О, он собирался насладиться этим. Он почти не сомневался, что это будет битва между ними двумя, но у Деймона было гораздо больше шансов победить, чем у его бабушки.

Он вздохнул и прервал речь своей жены быстрым поцелуем в губы, а затем скатился с кровати. "Как бы ни было забавно слушать, как ты рассказываешь о будущих изменениях в своем гардеробе, я хотел бы отметить, что в настоящее время у тебя нет гардероба, в котором можно вернуться в Королевскую гавань". Ее платье было испорчено, и его наверняка не спасти, даже если бы перед их отъездом было достаточно времени, чтобы его как следует постирать и высушить.

"О, как ты думаешь, я могу позаимствовать здесь какие-нибудь черные платья?"

В этом было мало сомнений, учитывая, что здесь находится Дракониный камень и все такое. "В этом мало сомнений. Нам просто нужно попросить слуг указать нам правильное направление, и мы, вероятно, найдем что-нибудь, что вам подойдет. Однако ... бриджи - это другое дело".

Сбросив полотенце, в которое он был завернут, он начал одеваться, вытащив чистую пару бриджей для себя и с ухмылкой бросив другую Гаэль. Они могли бы сослужить хорошую службу, и это было бы самым простым решением, даже если бы они были слишком длинными и широкими в талии. Он ухмыльнулся, увидев внутренность шкафа, в котором они хранились, когда понял, что все они черные. В его гардеробе в Драконьем Камне не было ни одной пары брюк другого цвета.

Гаэль, смотревшая на него широко раскрытыми глазами, казалось, была совершенно сбита с толку им. "Бриджи?"

Удивленно приподняв бровь, он ответил. “Да, бриджи”.

Она даже не потянулась к ним.

“Почему?”

Он рассмеялся. “Значит, вы прибыли в Королевскую Гавань не таким замерзшим, каким прибыли сюда. Некоторые могли бы посчитать меня плохим мужем, если бы я это допустил”.

Ей также понадобились бы настоящие ботинки, а не туфли-лодочки, которые у нее были в настоящее время, но он понятия не имел, как достать ей их за то время, которое у них было. Возможно, есть платья, которые подошли бы в изобилии, но сапоги вряд ли были чем-то таким многочисленным или таким простым в подгонке. В конце концов, она все равно хотела, чтобы ее ноги наполовину замерзли.

“Кроме того, было бы бесполезно, если бы мы отправились на поиски платья для тебя, оставив тебя в одной сорочке или полотенце. Могут быть смертельные случаи”.

Ее круглые глаза перескочили с бриджей обратно на него. “Смерти?”

Он подавил желание закатить глаза, бросив на нее бесстрастный взгляд. “Да, смерти. Если бы глаза задерживались там, где им нечего блуждать, а тем более задерживаться”.

Понимание вспыхнуло в ее глазах, и румянец покрыл ее щеки, когда она пробормотала. “Но ... но как насчет ... Она указала на свою грудь, и его ухмылка стала шире, когда он открыл другой шкаф и бросил ей красную рубашку. Рубашки у него были не только черного цвета. Ха. Он, конечно, отказался от них позже в своей жизни, используя красный только для детализации, да и то экономно.

“Это слишком велико!” В ее голосе было явное смятение, но не похоже, чтобы у Деймона были в наличии рубашки разных размеров.

“Все это для того, чтобы лучше скрыть любые отвлекающие маневры”.

Ее замешательство наполнило тишину. “Джигга-... что...” Когда понимание пришло снова, в ее глазах вспыхнуло возмущение. “Деймон!”

Он невинно приподнял брови и пожал плечами. “Твои платья на самом деле не позволяют этого”.

Она прижала рубашку к своей прикрытой одеялом груди, защищая его, и уставилась на него с покрасневшим лицом, лишившись дара речи.

Когда она даже спустя некоторое время не пошевелилась, он достал для себя другую рубашку, стянул ее через голову и обратился к ней. “Значит, он будет полностью обнажен? Пожалуйста, скажи мне, чтобы я знал, что нужно взять с собой меч. Возможно, я слишком отвлекся, чтобы вспомнить другое.”

У нее отвисла челюсть, и она откинулась на спинку кровати, натянув одеяло на голову и издав крик разочарования. Деймон удовлетворенно ухмыльнулся. Да, ему бы это понравилось.

Неудивительно, что у Гаэль было множество платьев на выбор, некоторые более изысканные, некоторые менее, некоторые она собирала для поездки в Королевскую гавань, даже если они

были бы бесполезны в путешествии. А бриджи Деймона вполне подошли бы под платье, в котором она отправится в путешествие.

Также неудивительно, что для нее не нашлось хороших ботинок, и он сильно сомневался, что им разрешат пойти на портовый рынок в поисках каких-нибудь. Он сильно сомневался, что их вообще выпустят из крепости без сопровождения, скорее всего, даже без него. Гаэлю просто придется еще раз потерпеть. По крайней мере, бриджи уже должны были стать заметным улучшением.

Деймон тянул время, и он был достаточно честен с самим собой, чтобы признать это. Он должен поговорить со своим отцом. Он действительно должен. Желательно, пока они были еще далеко от Королевской гавани и множества любопытных ушей там. Но у него также действительно не было желания повторять их последний разговор. Это оставило у него дурной вкус и заставило усомниться практически во всем, что он знал о своем отце.

Даже когда его направили в Комнату с Расписным столом, его шаги были медленными и явно лишенными всякого энтузиазма, плечи поникли, а голова опущена в знак поражения, но мрачный в своей решимости уладить это недоразумение раз и навсегда. Он собрался с духом, когда его впустили в комнату, и заговорил даже без паузы, чтобы предотвратить какие-либо гневные слова со стороны своего отца, решительно уставившись в пол, изображая раскаяние.

“Отец, я надеялся, что мы могли бы еще раз сказать, с ясной головой. Я понимаю, что мое самообладание было... не хватает, когда мы говорили последний раз, и я извиняюсь за это. Это... вылилось в едва ли не самый конструктивный разговор”.

Смешок, прозвучавший при словах Деймона, не принадлежал его отцу, и его спина напряглась, когда он склонил голову. “Ваша светлость”. Черт возьми. “Я надеялся поговорить с отцом наедине, если вы позволите”.

Его отец по-прежнему хранил молчание, как показалось Деймону, мятежное.

“О нет, я уверен, что хотел бы услышать, о чем бы вы двое ни говорили. Пожалуйста, не обращайтесь внимания на мое присутствие”.

Челюсти Деймона сжались, и он перевел взгляд с земли на короля, сверля его взглядом. По крайней мере, он был не единственным, кто свирепо смотрел на короля. Его отец, казалось, тоже был им весьма недоволен.

Было облегчением, когда его отец жестом попросил Деймона заговорить, несмотря на то, что он все еще молчал, поэтому он сделал глубокий вдох и снова открыл рот. “Это все моя вина, я беру на себя полную ответственность. Я был тем, кто подошел к Гаэль в септе и попросил ее достать сонное зелье для стражников. Я был тем, кто предложил нам пожениться, поэтому меня не могли отдать Рее Ройс, даже если бы задержали. Я был тем, кто предложил лететь на Драконию камень, чтобы пожениться в валирийских традициях, чтобы брак не мог быть аннулирован, и я наверняка был тем, кто обеспечил, чтобы брак был заключен. Гаэль невиновна в этом. Она сделала то, что сделала, только потому, что в отличие от кого-либо другого она поняла мое отчаяние”.

Его отец фыркнул, и челюсти Деймона снова сжались. “Да, она распознала твоё отчаяние и использовала его, чтобы украсть у тебя будущее. Ты мог бы стать Повелителем Рунного камня! Теперь у тебя ничего нет!”

Деймон испуганно вздохнул, и его глаза расширились от слов отца. Женидьба на Рее Ройс не

сделала бы его Повелителем Рунного Камня, если бы он им не был. Это не могло сделать его таковым, пока была жива его жена, если только Деймон не узурпировал ее. Это было то, что ни разу не приходило ему в голову, несмотря на то, что он потратил годы, делая ее несчастной в надежде заставить ее согласиться на гребаное расторжение брака. Но у него не было желания быть Лордом Рунического Камня. На самом деле он не хотел Рунического Камня, даже когда заявлял о своих правах на Леди Долины.

Если бы он завладел ею, не было бы никакого сопротивления, ни с Караксесом за спиной, ни с его братом королем. Было ли это тем, чего они от него хотели? Или это было то, чего они просто ожидали от него? Чего они все когда-либо ожидали от него? При этой мысли в нем поднялась ярость, и он боролся с ней, потому что хотел спокойно поговорить со своим отцом.

Он закрыл глаза и стиснул зубы, дыша через нос, даже когда почувствовал, как его горло сжалось от эмоций. Узурпатор. Все они считали его гребаным узурпатором даже в гребаные шестнадцать. Стоит ли удивляться, что Рея Ройс так презирала его еще до того, как увидела?

Открыв глаза, он заговорил мертвым голосом. "Позволь мне прояснить это раз и навсегда. Я. Нет. Блядь. Узурпатор. Я бы никогда не стал Лордом Рунного камня, если бы женился на ней, и наши дети никогда не унаследовали бы его, потому что их никогда бы не было."

Он развернулся на каблуках и ушел, почти бегом возвращаясь в свою комнату, разъяренный и страдающий, остановившись только один раз, захлопнув дверь и встретившись с испуганным взглядом Гаэль. Чертов ад. Он хотел быть спокойным.

Отогнав шок, она открыла рот, чтобы заговорить, и он не смог вынести этого, не сейчас, поэтому шагнул к ней и запечатлел на ее губах поцелуй. Когда они оторвались, чтобы перевести дух, его имя было произнесено не с вопросом, а с потребностью. Это было правильно. Это сработало бы. Теперь у Деймона была жена, жена, которая не была Реей Ройс, и никто не мог винить его за то, что он утопил свои печали в ее теле.

Его губы скользнули вниз по ее шее, и одна его рука опустилась к ее спине, чтобы крепко прижать ее к своему телу, а другая поднялась, чтобы сжать ее грудь, и она застонала и снова выдохнула его имя, он поднял голову и слегка прикусил мочку ее уха. "Насколько тебе нравится это платье? Ты не будешь очень возражать, если я сорву его с тебя?"

Она не ответила ему, но откинула его голову назад, чтобы их губы снова соприкоснулись, и он воспринял это как достаточный ответ, когда рванул вырез ее платья, достаточно сильно, чтобы освободить ее груди. Действительно, больше ничего не требовалось, и она даже не заметила этого, совершенно ошеломленная, когда он повел ее к кровати, где уделил внимание ее груди, потирая, облизывая, покусывая и пощипывая.

Когда она отчаянно нуждалась в освобождении, так мило умоляя, он задрал юбку ее платья до талии и коснулся губами ее бедер, прокладывая поцелуями путь к ее сердцевине. Ее стоны становились все более отчаянными, и он ухмыльнулся, услышав ее. Его невинная жена, умоляющая, чтобы ее трахнули. Но не сейчас, нет. Сначала он заставит ее кончить в его рот. А потом снова на пальцах, и только после того, как она охрипла от удовольствия, он трахнул ее.

Гаэль никогда не выглядела так красиво, как тогда, лежащая под ним, когда он трахал ее, ее светлые волосы разметались вокруг нее, глаза расфокусированы, губы припухшие, красные и приоткрытые, грудь обнажена для него. Когда она содрогнулась вокруг него в последний раз, и он потерял остатки самообладания, изливаясь в нее, он не мог не пожелать, чтобы они услышали, чтобы весь гребаный замок услышал. Она была его, и только его, и даже когда она

больше ничего ему не принесла, она дала ему его гребаную свободу , и это имело значение больше, чем что-либо другое.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/104117/3744938>